
А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

«СВАТЪСТВОМ ОБУЕМШЕСЯ...»:
ДОЗВОЛЕННОЕ И НЕДОЗВОЛЕННОЕ СВОЙСТВО
В КНЯЖЕСКИХ БРАКАХ 40–60-х ГОДОВ XII в.¹

В истории династии Рюриковичей XII столетие можно считать эпохой внутриродовых браков. Иначе говоря, в целом наиболее частотными в это время оказываются такие матримониальные союзы, когда русский князь берет в жены урожденную русскую княжну. Это не означает, разумеется, что все прочие брачные комбинации полностью вытесняются из семейного обихода. Напротив, союзы с половчанками, женитьбы на иноземных наследницах, да и браки с представительницами местных знатных родов играют существенную роль в хитросплетениях политической жизни династии, однако доминируют в этом сложном узоре, несомненно, браки между «своими».

При этом на общем фоне актуальности внутрдинастических союзов можно заметить несколько хронологических отрезков, когда они становятся особенно важны, когда династию охватывают своеобразные «спазмы» всеобщей родственно-свойственной близости. Один из таких отрезков приходится на 80-е — начало 90-х годов XII в., другой же, более ранний, о котором по преимуществу и пойдет речь в настоящей работе, — примерно на середину 40-х — начало 50-х годов того же столетия. Наметив эти границы, оговоримся сразу, что сколько-нибудь жесткая периодизация матримониальной истории династии не только невозможна, но в определенном смысле и нежелательна, поскольку по самой своей природе династические браки были одновременно шагом тактическим и стратегическим, направленным (с большим или меньшим успехом) как на сиюминутное настоящее, так и в отдаленное будущее. Именно поэтому, стремясь реконструировать цели и намерения участников той или иной брачной ситуации, мы обречены анализировать не только обстоятельства женитьбы, но и всю историю отдельно взятого брака, а иногда и историю женитьб детей и ближайших родичей брачующихся.

В самом деле, русские князья, как известно, достаточно последовательно соблюдали запреты на близкородственные и близкосвойственные браки, а соблюдение такого рода запретов делает каждое новое решение, принятое в области матримониальной стратегии, особенно весомым, ведь оно сопряжено не только с теми или иными выгодами и преимуществами, но и с отсечением целого ряда брачных и политических возможностей в дальнейшем — у двух семей в этом и двух следующих поколениях есть, в сущности, лишь один шанс породниться, не нарушая соответствующих церковных установлений, и этот шанс надо использовать максимально эффективным образом.

Вообще говоря, самое начало XII в. предоставляло еще относительно мало возможностей для внутрдинастических браков, так как большинство русских князей находилось все еще в слишком близком родстве между собой. В 10-х — начале 20-х годов мы наблюдаем первое «скопление» браков между отдаленными родственниками и свойственниками, в которые вовлечены в качестве одной из сторон дети и внуки Владимира Мономаха. Характерно, что в летописи мы далеко не всегда находим сообщения о самом факте этих (да и более ранних, единичных) внутриродовых свадеб, а о существовании этих союзов мы порой узнаем лишь благодаря применению соответствующих терминов свойства («ТЬСТЬ», «ЗАТЬ» и т. п.).

¹ В этой работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

На 30-е годы XII в. приходится своеобразная естественная пауза в заключении внутридинастических союзов². О ее политических причинах можно лишь догадываться, предполагая, например, что конец киевского княжения Мономаха, а затем последовательное правление его сыновей Мстислава Великого и Андрея Доброго формировали достаточно устойчивую и сбалансированную систему междукняжеских отношений, как бы не требующую дополнительной поддержки. Однако канонические причины этого явного затишья родовых матримониальных союзов совершенно очевидны: допустимые с точки зрения церкви возможности были на время исчерпаны, и династия должна была расширяться по крайней мере еще на одно поколение, чтобы родились и подросли те, чья кровная и свойственная близость была достаточно отдаленной для брака. Так или иначе, в середине, а в особенности в конце 40-х годов XII в., матримониально-политические отношения свойства (как внутривидовые, так и междинастические) становятся чрезвычайно актуальными. Своеобразный лингвистический сигнал роста этой актуальности — появление в летописном узусе термина «СВАТЪ», о котором нам еще предстоит сказать ниже.

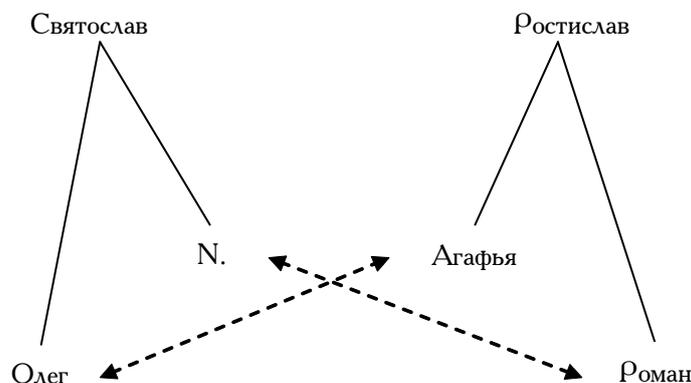
Чем же в целом характеризовалась матримониальная стратегия Рюриковичей в интересующий нас период с середины 40-х до начала 50-х годов XII в.? Каковы были ее немедленные результаты и отдаленные последствия? До сих пор мы подчеркивали известную пунктуальность в исполнении Рюриковичами канонических предписаний относительно дозволенных и запрещенных браков. Однако в этой вполне системной последовательности мы наблюдаем и ряд сбоев и нарушений. Как это нередко бывает, исследование подобных нарушений способно больше поведать нам о характере и эволюции матримониальной системы в тот или иной период, нежели простое перечисление случаев безупречного следования норме.

Казус, о котором пойдет речь, имел место в 60-е годы XII в., однако истоки его, несомненно, лежат на рубеже 40-х и 50-х годов, а его результаты и последствия еще фиксируются летописью в повествовании о событиях, относящихся к последней трети века. Казус этот никогда не становился объектом самостоятельного исследования, хотя его несоответствие каноническим запретам на союзы со свойственниками наглядно и разительно. Так называемые перекрестные браки (а именно такой брак и имел место в интересующем нас случае), когда брат и сестра из одной семьи поочередно вступают в матримониальные союзы с сестрой и братом из другой семьи, безусловно, принадлежали к числу недопустимых в большинстве тех традиций, где свойство вообще принималось в расчет при выборе партнера. Для княжеской традиции домонгольской Руси подобные женитьбы весьма и весьма редки, в сущности, если говорить о браках внутридинастических, нам известен только один надежно зафиксированный в источниках пример³.

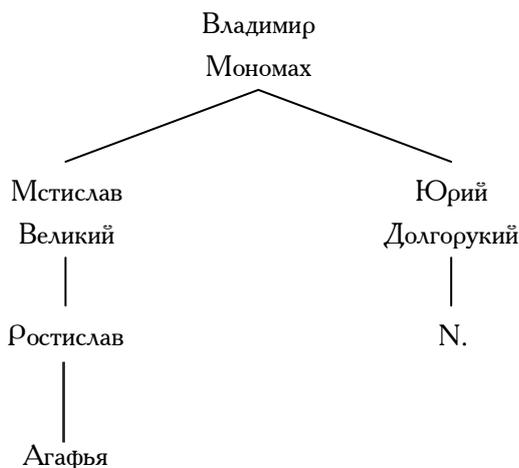
² Необходимо учитывать, что время заключения значительной части княжеских браков нам попросту неизвестно, поэтому любые статистические подсчеты и оценки частотности в этой сфере неизбежно носят приблизительный характер.

³ Браки междинастические есть смысл, на наш взгляд, анализировать отдельно, поскольку зачастую их следует рассматривать с учетом по крайней мере двух систем канонического права, восточной и западной. В целом, можно сказать, что и здесь перекрестные браки нельзя назвать явлением частотным. В качестве наиболее достоверного примера такого союза можно упомянуть брак двух детей Святополка Изяславича, Сбыславы и Ярослава, с двумя отпрысками польского князя Владислава-Германа — Болеславом III (Кривоустым) и его неизвестной по имени сестрой соответственно. Союз Болеслава и Сбыславы потребовал, как известно, специального папского дозволения из-за близкого родства между брачующимися (*Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л. М. Поповой. Рязань, 2009. Кн. II. Гл. 23. С. 328–329*). В чем именно состояло это родство, Галл Аноним, современник событий, не сообщает. Согласно предположениям исследователей, они могли быть в 6-й, недозволенной для брака, степени кровного родства. При этом у Яна Длугоша сообщается, что Болеслав и Сбыслава состояли в 4-й степени родства (...quamvis alter alterum quarto consanguinitatis gradu eque contingerent) [3, с. 293]. Если к моменту женитьбы Болеслава Кривоустого его сестра уже состояла в браке с Ярославом Святополчицем, то между Сбыславой и Болеславом была бы именно 4-я степень свойства. Поскольку свойство, как известно, терминологически зачастую приравнивалось к кровному родству, не исключено, что необходимость папского разрешения связана с перекрестным браком. Надо учитывать, однако, что на точность сведений Длугоша не всегда можно полагаться, и, с другой стороны, гипотеза о смешении обозначений родства и свойства, сколь бы частым оно ни было, в каждом случае нуждается в дополнительной верификации.

Речь идет при этом не о синхронном заключении «парных» союзов, а о женитьбе князя на сестре того, кто стал его зятем (мужем сестры) много лет назад. Именно таков был второй брак Олега Святославича, сына Святослава Ольговича, который в 1164 г. взял в жены Агафью, дочь Ростислава Мстиславича Смоленского⁴. Собственная сестра Олега еще в 1149 г. была выдана замуж за родного брата Агафьи, Романа Ростиславича⁵. Таким образом, брачующиеся исходно состояли в 4-й степени свойства друг с другом.

Кроме того, Агафья Ростиславна, которая была второй женой Олега, состояла в 5-й степени кровного родства с его первой женой, дочерью Юрия Долгорукого, и, соответственно, по этой линии она приходилась своему мужу свойственницей в 5-й степени.

Можно сказать, таким образом, что свойство Олега со своей новой женой оказывалось дважды слишком близким: судя по общей картине внутридинастических браков Рюриковичей, союз между свойственниками в 5-й степени считался нежелательным, 4-я же степень свойства между супругами, обусловленная перекрестным браком, как уже говорилось, не обнаруживается среди браков Рюриковичей друг с другом нигде, кроме данного случая.

Чем же объяснить столь редкое и вместе с тем не вызывающее сомнений нарушение канонического запрета на браки между близкими свойственниками?

⁴ См.: ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 524–525.

⁵ В то же время Ростиславъ Смоленскин . проси дчери оу Стослава . оу Ольговича за Романа сна своего . Смоленскоу . и ведена бѣи из Новагорода в нелю по водохрщахъ . мѣца геньваря въ ѿ днь (Там же. Стб. 368).

Отчасти здесь срабатывают те же механизмы, что и в случаях несоблюдения запретов на браки с кровными родичами. С одной стороны, чрезвычайно велика потребность жениха в могущественном свойственнике, который мог бы восстановить его попорченные династические интересы. С другой стороны, препятствия для заключения подобного брака со стороны старших родичей жениха и духовенства в известном смысле сведены к минимуму⁶. Для нас весьма существенно, что и то, и другое объяснение — политические стимулы к браку и редукция препятствий к нему — не нуждаются в сложной умозрительной реконструкции, а недвусмысленным образом представлены в пространстве самого летописного текста.

Примерно за год до своей женитьбы на Агафье Олег Святославич осиротел: умер его отец, Святослав Ольгович, а вместе с ним ушли из семьи не только малосбыточные надежды заполучить киевский стол, но и совершенно реальные права на стол черниговский. Действительно, Святослав Ольгович после убийства его брата Игоря в 1147 г. оказался старшим из потомков Олега Святославича и, что не менее существенно, старшим из наследников своего брата, киевского князя Всеволода. С тех пор же, когда в 1161 г. не стало его кузена Изяслава Давыдовича, Святослав Ольгович становится старшим в целой родовой ветви, восходящей к Святославу Ярославичу, сыну Ярослава Мудрого. Ветвь эта в династической иерархии Рюриковичей, строго говоря, занимала место выше ветви Мономашичей, потомков Всеволода Ярославича, который был лишь четвертым сыном Ярослава Мудрого, тогда как Святослав Ярославич — третьим.

Борьба за преимущества такого рода составляла весьма существенную долю внутривидовых конфликтов Рюриковичей в XII столетии. Старшинство среди потомков Святослава Ярославича, естественным образом, значило в этой борьбе очень и очень многое. Неудивительно поэтому, что немедленно после кончины Святослава Ольговича его наследие стало предметом интриги и прямого противостояния.

С точки зрения древней родовой иерархии на это наследие в первую очередь могли претендовать два племянника умершего, родной и двоюродный (оба, неслучайным образом, также носившие имя *Святослав*) — Святослав Всеволодич, сын Всеволода Ольговича, и Святослав Владимирович Вщижский, сын Владимира Давыдовича Черниговского⁷.

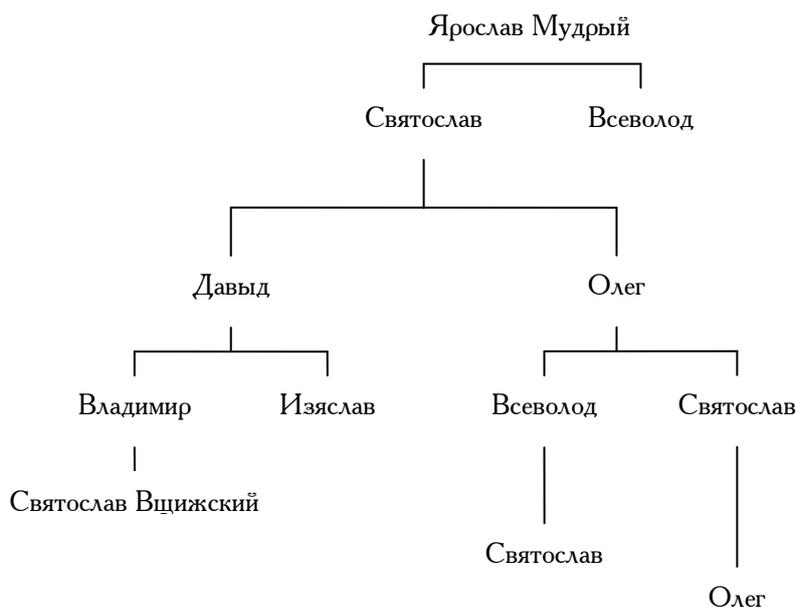
Практически же Святослав Вщижский едва ли мог в ту пору беспрепятственно заполучить черниговский стол⁸. Не исключено, что этот князь мог бы со временем как-то включиться в борьбу за передел черниговского наследия, однако его ранняя смерть, последовавшая менее чем через два года (в 1165 г.), раз и навсегда исключала Давыдовичей из числа претендентов на Чернигов.

Непосредственно же после кончины Святослава Ольговича для участников событий едва ли не главным казалось не только и не столько преимущество в родовом счете, сколько простое преимущество во времени, в скорости реакции, и здесь основными конкурентами оказывались родной сын умершего, Олег, и родной племянник, Святослав Всеволодич, каждый из которых имел своих деятельных сторонников в Чернигове. Святослав же Вщижский непосредственного участия в этой гонке принять не мог.

⁶ О случаях такого рода ситуативного ослабления брачных запретов см. подробнее: [2, с. 45–68].

⁷ Строго говоря, по происхождению большими правами обладал Святослав Вщижский, последний отпрыск дома Давыдова, старшей по отношению ко всем Ольговичам линии наследников Святослава Ярославича. С другой стороны, отец Святослава Всеволодича княжил в Киеве, а ранее первым из представителей своего поколения успел заполучить Чернигов, выгнав оттуда своего дядю Ярослава — вся эта предыстория, разумеется, повышала династический статус его старшего сына. Права Олега Святославича, родного сына только что скончавшегося Святослава Ольговича, по родовому счету были несравненно более скромными, чем у его кузена, Всеволодича, не говоря уж о троюродном брате, Владимировиче.

⁸ Святослав Владимирович не преуспел в своих иерархических притязаниях при жизни родного дяди, Изяслава Давыдовича, и еще тогда оказался вынужден на словах смириться со старшинством дяди двоюродного, Святослава Ольговича. Трудно было ожидать, что в Чернигове у него найдутся прямые сторонники, так как времена, когда его отец, Владимир Давыдович, владел этим городом, минули почти полтора десятилетия назад, а сам Святослав, как кажется, имел дело с тамошней дружиной и знатью, лишь будучи ребенком. Последние же годы, насколько мы можем судить по летописи, он не претендовал на что-либо большее, нежели давно выделенный ему Вщиж.

Тем не менее решающим в борьбе двух соперников, как мы знаем из летописи, оказалось все-таки родовое старшинство: Олег Святославич хотя и прибыл в Чернигов первым, вынужден был все же уступить город своему кузену⁹. При этом между двоюродными братьями был заключен договор о наделении Святославичей волостями, однако Святослав Всеволодич отнюдь не спешил исполнить все свои обещания по отношению к Олегу и ничего не выделил Игорю и Всеволоду, его младшим братьям¹⁰.

Таким образом, Олег Святославич, при жизни отца не терявший, по-видимому, надежды перенять Чернигов и все права князей черниговской ветви, вынужден был искать, осиротев, могущественных союзников, которые помогли бы ему если не возратить эти надежды, то хотя бы сохранить тот минимальный княжеский статус, который принадлежал ему и его братьям по праву рождения. Именно в таких условиях и состоялся его брак с дочерью киевского князя, Агафьей Ростиславной, нарушавший церковные правила относительно дозволенных для женитьбы степеней свойства.

Данный матримониальный союз Олег заключает, будучи человеком взрослым, смерть отца, столь пагубно сказавшаяся на его династических перспективах, дала ему, с другой стороны, возможность выбирать себе новых свойственников самостоятельно. Однако чтобы лучше рассмотреть причины заключения этой поздней, не отвечающей церковным установлениям женитьбы, необходимо, на наш взгляд, обратиться к эпохе конца 40-х — начала 50-х годов XII в., когда совершались браки, благодаря которым вторая женитьба Олега и оказалась не вполне каноничной.

Первый брак Олега и свадьба его сестры с Романом Ростиславичем отделены друг от друга сравнительно небольшим временным промежутком и приходятся на период ожесточенного противостояния сыновей и внуков Владимира Мономаха: Романа женили в самом начале 1149 г.¹¹, а Олега — в 1150 г.¹² Это время, как уже говорилось, было чрезвычайно важным для истории свойства у Рюриковичей, род разросся настолько, что внутрдинастический брак

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 523.

¹⁰ Там же. Стб. 523–524.

¹¹ Там же. Стб. 368.

¹² Там же. Стб. 394.

стал обычным делом, а не редким исключением. Подобные союзы могут теперь задавать целые микросистемы междукняжеских отношений, которые выстраиваются при этом по нескольким разным моделям.

Так, именно в эту эпоху начинает распространяться относительно новая для Руси модель внутрдинастических отношений, которую можно условно обозначить «сват ↔ сват», когда брак между детьми служит в первую очередь интересам их отцов. Весьма характерно, что с момента свадеб двух дочерей Юрия Долгорукого в летописном узусе заметным образом распространяется и сам термин «**СВАТЪ**», употребляемый по отношению к князьям¹³. Разумеется, трудно усомниться в том, что на восточнославянской территории это слово было прекрасно известно до середины XII в., однако лишь в это время, по-видимому, подобный тип свойства приобрел столь ключевое значение для княжеских семейных отношений, чтобы проникнуть в летописный текст и укорениться в нем.

Более старая модель «тесть ↔ зять», согласно которой союзнические отношения закладываются между представителями разных поколений, зачастую приобретает отныне новую окраску: в полной мере она разворачивается лишь в тех случаях, когда младший свойственник оказывается лишен покровительства кровных родичей и тесть функционально замещает собой родного отца (правда, такое замещение, как правило, не только конвенциально, но и ограничено во времени).

Приблизительно в это же время формируется и структурно более сложная модель «тройственного союза», в частности союза между несколькими старшими князьями, заключаемого путем двух одновременных браков между их детьми. У истоков подобной комбинации стоит, как правило, киевский князь или тот, кому киевский стол должен отойти по договору. Такого типа альянс может быть более или менее равновесным, то есть в равной мере ориентированным на интересы всех трех сторон, или он может строиться по преимуществу вокруг фигуры одного из участников ситуации.

Едва ли случайно, что модель двух синхронно заключаемых матримониальных союзов первоначально была отработана на отношениях с половцами. Половецкие браки, не являясь, разумеется, для русских князей внутрдинастическими, благодаря длительности и тесноте контактов, близки к ним по некоторым параметрам. Так, еще в 1108 г., после победы над кочевниками, трое Рюриковичей, Владимир Мономах, которому предстояло сделаться киевским князем, и двое братьев Святославичей, Давид и Олег (дед и полный тезка нашего Олега Святославича), отправляются к половцам заключать мир, причем двое из них женят там своих малолетних сыновей: ...иде Володимерь . и Двдъ . и Шлегъ . къ Лепѣ . и [ко] дрѹгомѣ Лепѣ . и створиша миръ . и поа Володимерь за Юргѣ . Лепинѣ дщерь . Шсенеѣ внѹкѣ . а Шлегъ поа за сѣа . Лепинѣ дщерь . Гиргенеѣ внѹкѣ . мѣца генва^р . вѣ . днѣ¹⁴.

Здесь, как мы видим, в союз вовлечены даже не три, а четыре группы актантов. При этом летописец уделяет особое внимание генеалогии половецких невест, тщательно оговаривая имена их отцов и дедов, дабы подчеркнуть их знатность и принадлежность к разным половецким родам, известным на Руси. Благодаря такому договору удается одновременно установить особые отношения с двумя могущественными кланами кочевников, и, с другой стороны, сразу два князя приобретают независимое свойство и поддержку среди половцев. Немаловажно также, что Олег и Владимир, двоюродные братья, пережившие столь много столкновений друг с другом, в данной ситуации действуют заодно и заключают, так сказать, симметричные брачные союзы для своих сыновей.

¹³ В Ипатьевской летописи он появляется впервые в статье под 6656 г. и употребляется по отношению к иностранному свойственнику Изяслава Мстиславича — Болеславу (ПСРЛ. Т. II. Стб. 384).

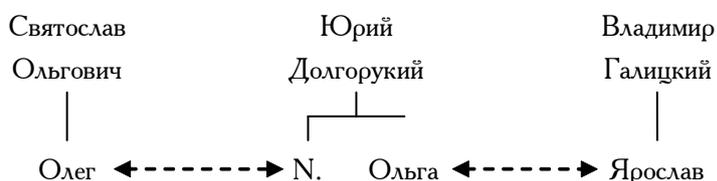
¹⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 282—283.

Первое летописное сообщение о двух одновременно состоявшихся внутрдинастических княжеских свадьбах относится к 1144/1145 г., когда киевский князь Всеволод Ольгович отдал замуж двух своих свойственниц, внучек Владимира Мономаха по женской линии: **...тѡи же зимѣ Всеволодъ Ѡда двѣ Всеволодковнѣ . Володимери вноуцѣ . единою за Володимира за Двѣвича . а дрѹгоу за Прослалича . за Дюрда . ѡбѣ ѡдиной недѣлѣ**¹⁵.

Как следует из текста, опекун юных княжон, лишившихся отца, Всеволод, приходился им отдаленным родственником и относительно близким свойственником (они были двоюродными сестрами его жены, дочери Мстислава Великого). Князья же, за которых они были выданы, со всей очевидностью уже обладали полнотой родовых прав и не нуждались в патронаже для заключения матримониального союза. Перед нами, таким образом, скорее реализация модели «тесть ↔ зятья» (хотя Всеволод Ольгович и не был родным отцом невест), а не результат договоренности между старшими.

Непосредственным политическим результатам этих браков не суждено было проявиться в полной мере: вскоре умирает Всеволод Ольгович (в 1146 г.), не слишком долго прожил после женитьбы и Владимир Давыдович, убитый в 1151 г. Что же касается еще одного участника этой матримониальной ситуации, Юрия Ярославича, то он после кончины Всеволода Ольговича сделался надежнейшим союзником другого своего свойственника — родного дяди собственной жены, Юрия Долгорукого.

Матримониальный же эпизод 1150 г., в который вовлечен интересующий нас Олег Святославич, является одним из самых важных и весьма выразительных примеров создания внутрдинастической коалиции нескольких старших князей с помощью двух одновременно совершающихся свадеб: Юрий Долгорукий выдает одну из дочерей за сына Святослава Ольговича Черниговского, а другую — за сына Владимира Галицкого.

Эти союзы, организованные родителями молодоженов, не влекли за собой (насколько мы можем судить по имеющимся у нас данным) каких-либо канонических нарушений¹⁶, а политически они были весьма актуальны для всех сторон, участвующих в этой матримониальной ситуации. Отцы обоих зятьев надолго становятся достаточно активными союзниками Юрия. Тем не менее, несмотря на изначальное сходство, эти два одновременно свершившихся брака в длительной перспективе развиваются отнюдь не по идентичному сценарию. Можно сказать, что один из них — женитьба Ярослава Владимировича Галицкого — являлся предприятием, обусловленным конкретной политической необходимостью и, соответственно, с исчезновением этой необходимости закончившимся, тогда как другой — брак Олега Святославича — не знает столь бурных всплесков и драматических поворотов.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

¹⁶ Олег и дочь Юрия Долгорукого находились в 8-й (дозволенной для женитьбы) степени кровного родства и в 7-й степени свойства (через союз «дочь Мстислава Великого ↔ Всеволод Ольгович» и через союз «сестра Олега, Мария ↔ Ярополк Изяславич, внук Мстислава Великого»), также не служившей у Рюриковичей препятствием для брака. В свою очередь, Ярослав Осмомысл и дочь Юрия Долгорукого состояли в 9-й степени кровного родства и в 6-й степени свойства, поскольку тетка Ярослава Осмомысла была замужем за Романом, братом Юрия Долгорукого (ПСРЛ. Т. II. Стб. 276).

В самом деле, в первые годы роль Владимира Галицкого, отца Ярослава, в союзнических отношениях с Юрием Долгоруким оказывается, быть может, более значительной и последовательно выдерживаемой, хотя и Святослав Ольгович, как правило, берет сторону Юрия, а не его племянника Изяслава. Характерным образом, именно Владимир чаще называется сватом Юрия, нежели Святослав¹⁷. После смерти отца Ярослав Галицкий действует заодно с отцом своей жены Ольги и, соответственно, регулярно именуется зятем Долгорукого¹⁸, хотя в описании событий, происходивших при жизни Владимира Галицкого, этот термин к нему не применялся.

Существенно, однако, что когда из жизни уходит и сам Юрий, брак Ярослава и Ольги Юрьевны начинает разваливаться и в конце концов завершается фактическим разводом (что в династии Рюриковичей, несомненно, было редкостью). Еще более показательным в этом смысле стремление Ярослава лишить собственного сына от брака с Ольгой прав на Галич и устранить таким образом едва ли не главный династический результат своей ранней женитьбы.

Судя по летописи, приверженность Ярослава дому Долгорукого и в молодости не лишена была колебаний — во всяком случае, сразу после внезапной кончины отца он в первый момент намеревался перейти под покровительство отнюдь не своего тестя Юрия, а его племянника и главного соперника, Изяслава Мстиславича¹⁹.

Что же касается союзнического взаимодействия между двумя другими сватами, Святославом Ольговичем и Юрием Долгоруким, то оно началось, как известно, за несколько лет до брака между их детьми. Более того, оно-то и послужило одним из поводов для раздора между Долгоруким и его племянниками. Подрастающему Олегу в этих отношениях отводилась особая, явно выделенная роль. Так, в летописи специально отмечается его участие в поездке отца в Москву на встречу с Юрием, отдельно упоминается и о том, что Олег был отправлен вперед, чтобы подарить Юрию пардуса, а во время церемониального обеда и сам получил ответные дары²⁰. Вполне вероятно, таким образом, что его заранее прочили в зятя Юрию.

При всем том после женитьбы независимые функции самого Олега — как поначалу и функции его свояка, Ярослава Осмомысла, — в коалиционных связях между старшими, по-видимому, сведены к минимуму. Летопись не дает в наше распоряжение никаких упоминаний о его самостоятельных действиях в помощь тестю. Характерным образом, его отношения с Юрием никак специально не терминологизируются — мы не обнаружим применительно к этим князьям именованний «ТЬСТЬ» или «ЗАТЬ», в то время как Святослав Ольгович несколько раз, как уже отмечалось, именуется сватом Юрия. Возможно, так происходит потому, что родной отец Олега умер позже его тестя и последнему не пришлось перенимать обязанности кровного родича.

Так или иначе, пока все трое старших князей были живы, их альянс, скрепленный браками детей, функционировал вполне эффективно. С точки зрения «матримониальной карьеры»

¹⁷ Лаврентьевская летопись, в которой термин «сватъ» вообще употребляется довольно скупо, обозначает таким образом только отношения между Юрием Долгоруким и Владимиром Галицким (ПСРЛ. Т. I. Стб. 325, 333), не применяя его вовсе к Святославу Ольговичу. Что же касается летописи Ипатьевской, где сам этот термин куда более частотен, то мы наблюдаем здесь довольно любопытное распределение. Вплоть до статьи, помещенной под 6660 г., так именуется исключительно Владимир Галицкий, и ни разу — Святослав Ольгович. Лишь начиная с 6660 г. эта характеристика эксплицируется по отношению к Святославу, который, разумеется, был свойственником Юрия и прежде, но летописец, повествуя о совместных действиях этих князей, не подчеркивал их семейных отношений подобным образом. Именно в статье под 6660 г. мы обнаруживаем в Ипатьевской летописи сообщение о смерти Владимира Галицкого, которое синхронизировано с тем рассказом о военных действиях Святослава и Юрия, где Святослав впервые назван сватом Долгорукого (ПСРЛ. Т. II. Стб. 456, 461–465). Таким образом, хотя оба князя, галицкий и черниговский, одновременно женили своих сыновей на дочках Юрия Долгорукого, в летописном узусе наблюдается известная иерархия: поначалу сватом Юрия именуется только Владимир, и лишь в год его смерти этот «титул» переходит к Святославу.

¹⁸ См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 479, 481, 485, 486, 487, 488.

¹⁹ Там же. Стб. 464–465.

²⁰ Там же. Стб. 340.

Олега Святославича для нас весьма немаловажно то обстоятельство, что и в первый, и во второй раз он берет в жены дочь киевского князя — Юрий Долгорукий к моменту его брака как раз успел занять этот стол.

Заключенный же немногим ранее брак дочери Святослава Ольговича и Романа Ростиславича в привычной перспективе военно-политических интересов оказывается куда менее тривиален, чем женитьба ее брата Олега. Само сообщение об этой свадьбе Романа и Святославны в Ипатьевской летописи синхронизировано с рассказом о политических событиях, казалось бы, весьма неблагоприятных для возможности каких-либо союзнических отношений Ростислава или его сына с Ольговичами — Святослав Ольгович, несмотря на крестное целование, не приезжает к Ростиславову брату Изяславу на снем и, таким образом, демонстративно не поддерживает готовящееся объединение княжеских сил против Юрия Долгорукого²¹. С того же момента, когда черниговский князь женит сына на дочери Долгорукого, может показаться, что этим новым свойством старый союз как будто перечеркивается.

Ростислав и Святослав, отцы жениха и невесты, в летописи никогда не именуется сватами, равно как Роман и Святослав не называются тестем и зятем. В летописном повествовании, если речь идет о первом десятилетии после заключения этого брака, мы не обнаружим свидетельств о каких-либо совместных действиях двух старших князей. Роман же как будто и вовсе никогда не проявляет особенного расположения к отцу своей жены. Так, в частности, одна из немногих ситуаций, когда при жизни тестя Роман Ростиславич, действуя по поручению своего дяди и отца, каким-то образом вмешивается в черниговские дела, для Святослава Ольговича оказывается крайне невыгодной, ибо его зять способствует вокняжению на черниговском столе отнюдь не своего старшего свойственника, но, напротив, Святославова кузена и соперника Изяслава Давыдовича²². Несколько упрощая дело, можно сказать, что если бы в летописи отсутствовали совершенно четкие указания, кем был тесть Романа Ростиславича, то исследователям, глядя на первые годы его брака, едва ли пришлось бы в голову представить на этом месте черниговского князя Святослава Ольговича.

При всем том матримониальный союз Романа со Святославной принадлежал к числу весьма долговременных. Насколько мы можем судить по летописным данным, никакой иной жены у князя не было, и, соответственно, именно Святославне суждено было родить ему по крайней мере троих детей и оплакать его кончину, последовавшую три с лишним десятилетия спустя после свадьбы²³. Так что же перед нами? Побочный продукт краткого стечения политических обстоятельств? Пример брачного союза, вовсе лишённого какой-либо военно-политической подоплеки? Или нечто иное?

В самом деле, вероятнее всего, договоренность о браке Романа была достигнута на весьма своеобразном витке отношений Ольговичей с сыновьями Мстислава Великого, когда между ними состоялось крестоцелование, призванное водворить мир и остановить мщение за обиды, связанные с убийством князя Игоря Ольговича. Как мы уже упоминали выше, это объединение Святослава Ольговича с Изяславом Мстиславичем распалось, едва успев состояться, и очень скоро Святослав оказывается в лагере Юрия Долгорукого, главного оппонента Изяслава.

²¹ ...и ре^ч . Изяславъ Володимирѹ Дѣвничю и братоу его Изяславоу . вже бра^т Свѣтославъ и сестричичъ мои а ко мнѣ не пришла а въи есте вси хр^ттъ цѣловали на томъ . аже кто боуде^т мнѣ золь . то вамъ на того быти со мною (ПСРЛ. Т. II. Стб. 367). В тот момент брак между детьми Юрия и Святослава еще не был заключен, но, как уже отмечалось выше, этим будущим сватам уже доводилось действовать совместно против Мстиславичей и Давыдовичей (Там же. Стб. 338, 339).

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 439—440. После поражения в битве на Руте Святослав, пытаясь бежать в Чернигов, высылает вперед своего племянника Всеволодича. Тот же пригна къ перевозѹ ко Деснѣ . и тѣ въи емѹ вѣсть . вже оуже Изяславъ Дѣвничъ и Романъ Ростиславичъ оуѣхаста в Черниговъ и то слышавъ и повѣже шпаты а противѹ строеви посла река не ѣзди стѣмо . но тѣда поѣди к Новѹгородѹ . здѣ ти вѣѣхалъ оуже Изяславъ Дѣвничъ . и Романъ Ростиславичъ и то слышавъ . Свѣтославъ . и повѣжаста к Новѹгородѹ (Там же. Стб. 440).

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 616—617, под 6688 г.

Иными словами, брак Романа можно считать тактически непродуктивным, во всяком случае, именно так будет выглядеть картина этого матримониального союза, если исходить из того, что отец Романа, Ростислав Мстиславич, был полным политическим дублером своего старшего брата Изяслава. Однако в действительности его роль в династической ситуации середины столетия была отнюдь не столь однозначной. Коль скоро речь в летописи идет о событиях, происходивших при жизни Изяслава, мы, в сущности, не обнаруживаем здесь никаких упоминаний о противоречиях между братьями и, соответственно, не находим известий о каких-либо совместных действиях Ростислава или Романа с их свойственником Святославом Ольговичем. При этом у нас есть определенные основания предполагать, что еще при жизни старшего брата Ростислав Мстиславич был не столь непримирим по отношению к родичам-соперникам, как Изяслав Мстиславич. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые сообщения о междукняжеских договорах, приводимые в Ипатьевской летописи. Здесь, правда, мы вынуждены считаться со специфической формульностью такого рода свидетельств, когда заверения о давно установившейся братской дружбе должны приниматься с определенной осторожностью и не всегда трактоваться буквально.

Тем не менее следует, как кажется, обратить внимание на то обстоятельство, что после кончины своего брата Изяслава Мстиславича Ростислав относительно легко заключает договор с их дядей и недавним противником, Юрием Долгоруким, намеревающимся вновь заполучить Киев (отняв его у Изяслава Давыдовича), причем известие об этом событии в летописи сопровождается своеобразным противопоставлением двух Мстиславичей, живого и умершего: **В то же верема . Гюрги поиде . к волости Ростислави . Ростиславъ же слышавъ то . и тако скѹпа воа своа многое множество . исполца полкты своа . и поиде противѹ емѹ к Зарюю . тѹ же и ста Ростиславъ же тѹ стоа . послася къ Дюргевн проса оу него мира . река Ѡще кланю ти са . тѹи преди до мене добръ бѹль еси . и азъ до тебе . а ннѣ кланю ти са стрѹи ми еси тако ѡщѹ Гюрги же ре^ѹ право снѹ съ Изяславомъ есмь не могъ быти . а тѹи ми еси свои бра^ѹ и снѹ не помана злобы брата его . Ѡда емѹ гнѣвъ . и тако целоваста межю собою хрѹтѹ на всен любви . Гюрги же поиде Киевѹ . а Ростиславъ оу свои Смоленскѹ²⁴.**

Когда же Юрий вскорости получает киевский стол, Ростиславу удается примирить с ним и своего младшего брата, Владимира Мачешича, и своих племянников Изяславичей²⁵.

В этой перспективе следует вспомнить, по-видимому, что и существенно раньше, когда Изяслав Мстиславич был жив, в летописном повествовании, передающем переговоры двух Мстиславичей относительно возможного примирения с черниговскими князьями, Ростислав, во всем полагающийся на волю брата, представлен при этом как изначальный поборник мира с родичами черниговцами²⁶. Таким образом, то обстоятельство, что именно его сын берет в жены дочку Святослава Ольговича, кажется отнюдь не спонтанным. Возможно, такое свойство даже и в первые, неблагоприятные для сближения этих княжеских домов, годы подспудно обеспечивает Ростиславу, более гибкому из двух братьев, особое положение в борьбе различных родовых ветвей династии Рюриковичей²⁷.

²⁴ Там же. Стб. 476–477. Ср. также: **Юрги же посла посла по снѡвца своего . по Ростислава Смоленскѹ . река емѹ снѹ мнѹ с кимъ Рѹскѹю землю оудержати с товою . а поѹди сѹмо** (Там же. Стб. 479).

²⁵ Там же. Стб. 480–481.

²⁶ Там же. Стб. 365.

²⁷ Весьма характерно, в частности, отражение в летописи позиции Ростислава Мстиславича в церковном конфликте, касавшемся легитимности пребывания на митрополичьем престоле Клим Смолятича. Как известно, Клима был рукоположен по инициативе Изяслава Мстиславича, без санкции Константинополя (ПСРЛ. Т. I. Стб. 315; Т. II. Стб. 340). Пока в летописях излагаются события, происходившие при жизни этого князя, мы не находим никаких упоминаний о том, что Ростислав был в этом деле хоть в чем-то несогласен с братом. Однако

В полной мере результаты этой длительной стратегии Ростислава проявятся еще позже, когда после смерти Юрия Долгорукого Ростиславу удастся склонить свата, Святослава Ольговича, на свою сторону в противостоянии с Изяславом Давыдовичем, хотя по рождению Святослав был гораздо ближе Давыдовичам, приходясь им двоюродным братом. Тем не менее, довольно долго не разрывая полностью со своим кузеном, Святослав Ольгович как будто бы предпочитает тому своих сватов, сначала Юрия Долгорукого, а затем — Ростислава Мстиславича. Известие об окончательном водворении Ростислава в Киеве в 6668 г. сопровождается весьма детализированным рассказом о встрече Ростислава и Святослава в Моровийске и о последовавших за тем пирах и церемониальном обмене дарами²⁸. Любопытно, что первый дар Святослава Ольговича воспроизводит тот, что он преподнес почти пятнадцать лет назад Юрию Долгорукому: Святослав дарит своему свойственнику пардуса, копируя, таким образом, ситуацию, предшествовавшую первому браку его сына.

Не менее существенно, конечно, что Ростислав, как в свое время и Юрий Долгорукий, уже при жизни Святослава Ольговича проявляет особенный интерес к его старшему сыну Олегу (главному герою нашей работы), пытаясь не только сделать того своим близким союзником, но даже и оставить на какое-то время при себе в Киеве²⁹. Попытка эта, как известно по летописи, не удалась, однако внезапный отъезд Олега из Киева отнюдь не привел к ссоре его отца с Ростиславом Мстиславичем³⁰.

Вообще складывается впечатление, что в ту пору Олега пытаются привлечь на свою сторону и свойственники, и кровные родственники. Ростислав, как мы видим, поначалу не преуспел в этом, тогда как его сопернику, двоюродному дяде Олега Изяславу Давыдовичу, это вполне удалось. Тем не менее отец Олега, Святослав, в очередной раз не захотел участвовать в предприятии своего кузена Изяслава Давыдовича против Ростислава Мстиславича, хотя к Давыдовичу в тот момент присоединились и родные племянники Святослава, и его собственный сын³¹. Ростислав же, как это было, по-видимому, ему вполне свойственно, не сумев немедленно «завербовать» наследника Святослава Ольговича, лишь отложил этот замысел, а не отказался от него вовсе.

Не менее интересен в перспективе взаимоотношений двух свойственников подробный

позднее, в 1158/1159 г., когда вопрос о правах на митрополичью кафедру оказывается едва ли не главным в переговорах князей о киевском столе, Ростислав категорически не желает признавать кандидатуру Клим и поначалу настаивает на том, что митрополитом по-прежнему останется присланный Климу на смену Константин (ПСРЛ. Т. II. Стб. 503–504). Показательно, что, когда Ростиславу и его племяннику, Мстиславу Изяславичу, удастся прийти к компромиссу, договорившись просить Константинополь о поставлении нового митрополита, Константин укрывается не где-нибудь, а в Чернигове, у Святослава Ольговича (ПСРЛ. Т. I. Стб. 349). Это неизбежно подталкивает нас к мысли, что сваты, Ростислав и Святослав, занимали в то время более или менее единую позицию в вопросе о главе русской церкви. Немаловажно, с другой стороны, что еще позже, когда присланный по просьбе русских князей митрополит Феодор скончался, Ростислав находит Клима не только приемлемой, но и желательной фигурой для занятия митрополичьего престола и отправляет посольство в Константинополь **хотѣ** **вправити** **Клима** . **въ** **митрополью** (ПСРЛ. Т. II. Стб. 522). Не преуспев в этом, князь смиряется с приездом митрополита Иоанна.

²⁸ **Том же лѣтѣ** **снимася** **Ростиславъ съ Сѣтославомъ** **Ольговичемъ** . **Моровински** . **мѣца** **мапа** **въ** **а** **днь** **бы** **же** **съѣздъ** **ю** . **на** **великюю** **любовь** . **тогда** **же** **Ростиславъ** **позва** **Сѣтослава** **к** **совѣ** **на** **вѣдѣ** . **Сѣтославъ** **же** **ѣха** **к** **немѣ** **безо** **всакого** **извѣта** . **и** **бы** **же** **радость** **во** **тѣ** **днѣ** **межю** **има** . **и** **дарове** **мнози** . **да** **во** **Ростиславѣ** **Сѣтославѣ** **соболи** **и** **горностаими** . **и** **черными** **кѣнами** . **и** **песци** **и** **бѣлыми** **волкы** . **и** **рыбными** **зѣбы** . **на** **заоутри** **же** . **позва** . **Сѣтославъ** . **Ростислава** **к** **совѣ** **на** **вѣдѣ** . **и** **тако** . **бѣста** **весела** **па** **вчѣрашнего** **дни** **да** **Сѣтославъ** **Ростиславѣ** **пардѣсъ** . **и** **два** **кона** **ворза** . **оу** **кованѣ** **сѣдлѣ** . **и** **тако** **розидостаса** **оу** **свопasi** (ПСРЛ. Т. II. Стб. 504).

²⁹ Ср.: **Том же лѣтѣ** **посла** **Ростиславъ къ Сѣтославѣ** **река** **емѣ** **пѣсти** **ко** **мнѣ** **дѣта** **Олга** . **а** **тѣ** **познаеть** **Киангы** **лѣпшина** **и** **Берендичѣ** . **и** **Торкы** **Сѣтославъ** **же** **безо** **всакого** **извѣта** **пѣсти** **емѣ** . **снѣ** **свои** . **Олегъ** (ПСРЛ. Т. II. Стб. 512, под 6669 г.).

³⁰ ...**знии** **чѣвци** **не** **хотаче** **добра** **межи** **братѣю** **видити** **тако** **створиша** . **Ростиславъ** **же** **пѣсти** **Олга** **къ** **ѡцю** **Олегѣ** **же** **пришедѣ** **къ** **Черниговѣ** **не** **яви** **того** **ѡцю** (ПСРЛ. Т. II. Стб. 513).

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 514.

летописный рассказ о том, как Ростислав Мстиславич воспринял известия о кончине своего свата. Именно это сообщение наводит Ростислава на мысль (так и не осуществленную до самой смерти) о пострижении в монашество или, по крайней мере, о сложении с себя власти и удалении от мирской жизни³². Его беседы об уходе из мира с Печерским игуменом Поликарпом явно демонстрируют, что Ростислав, если так можно выразиться, мерил собственную жизнь по жизни Святослава Ольговича и внезапная смерть последнего заставила его задуматься о близости собственного конца, о возможности «**напрасныѣа смѣрти**»³³.

Обыкновенно, насколько мы можем судить по летописям, такое уподобление судеб было возможно, когда в качестве образцового мыслился жизненный путь кого-либо из князей, принявших мученическую кончину, или речь шла о самых близких кровных родственниках, отце или деде³⁴. Таким образом, в случае с союзом, некогда заключенным между сыном Ростислава Мстиславича и дочерью Святослава Ольговича, мы имеем дело, по-видимому, с отношениями, лежащими не только и не столько в области немедленной военно-политической тактики (хотя и она в свое время не сбрасывалась со счетов), сколько с длительной, глубинной стратегией межсемейных родовых связей, то сугубо подспудно, то более явно влиявших на династическую жизнь Рюриковичей. Как кажется, именно союзы такого рода не допускали окончательного и бесповоротного разрыва между ветвями династии, несмотря на всю силу текущих конфликтов.

(Продолжение в № 4(54))

Литература

1. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010.
2. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 45–68.
3. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Тексты перевод, комментарий / Под редакцией и с дополнениями А. В. Назаренко. М., 2004.

³² Там же. Стб. 529–531.

³³ Ср.: ...**молваше во Ростиславѣ часто то слово . къ игѣменѣ Печерьскомѣ . Поликарпѣ тогда игѣмене ѿ постриженна егда же приде ми вѣсть . и Щернигова . ѿ Сѣтослави смѣрти Ѡлговича** (ПСРЛ. Т. II. Стб. 529).

³⁴ Ср., например, описание кончины Святослава Всеволодича, когда он соотносит собственную смерть с днем свв. Макавеев, поскольку именно к этому празднику оказались приурочены кончины его деда и отца (об этом эпизоде см. подробнее: [1, с. 138–151]).